

СОЛНЕЧНЫЙ *Зайчик*

НАДЕЖДА ВОЛГИНА

18+

Надежда Волгина
Солнечный зайчик
Серия «Короткий любовный роман»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=37660650

SelfPub; 2018

Аннотация

Шуру называют солнечным зайчиком за ее доброту, жизнерадостность и обходительность. Но душа ее наглухо закрыта для всех. И только сама она знает, какой мрак порой в ней царит. Что будет, повстречай она любовь? Способна ли та справиться с мраком? Для обложки использованы фото со стока фотографий и изображений shutterstock.

– Здесь правила устанавливаю я! А ты за них платишь.

Она коснулась наманикюренным пальчиком щеки мужчины, скользнула по едва наметившейся щетине и резко толкнула его в кресло. От неожиданности он сильно покраснел и вперил в нее недовольный взгляд, на что она лишь усмехнулась, скривив ярко-накрашенные губы.

– К чему нам эта удавка? – присела она между его ног и потянула за галстук. Затем расстегнула медленно, не касаясь пальцами кожи, все пуговицы на рубашке. Распахнула ее и провела ладонями по безволосой груди к едва наметившемуся пивному брюшку. – Как ты любишь его называть? – приложила она ладонь к заметно набрякшей ширинке.

Мужчина заелозил в кресле, а она нащупала головку и погладила ее пальцем. Такие, как он, обычно считают свой детородный орган одним из самых главных достоинств. Они приписывают ему всяческие чудеса, любят приврать, приукрасить собственные подвиги в рассказах друзьям. Ох уж эти мужики, они еще большие сплетники, чем женщины. Ну раз ей попался такой сказочник, то и эпитет она придумает сказочный.

– Давай освободим дракона, чтобы он смог взлететь, – с этими словами она дернула его за ноги, вынуждая съехать вперед.

Мужчина, чьего имени она не знала и знать не хотела, тяжело задышал, когда пальцы Шер ловко справились с пряжкой на ремне, а потом и с застежкой на брюках. Он даже со-

образить не успел, как остался сидеть голой попой в кресле, а штаны, с тем что имелось под ними, упали небрежной грудой к ногам.

– Совсем ослаб наш дракон, – рассматривала Шер то, что уже начинало расти, но все еще вяло трепыхалось.

Она легонько дунула на пенис и, как пружина, взвилась вверх. Расправила короткую кожаную юбку на запахе, пригладила пряди черного парика и подошла к музыкальному центру. Через секунду тишину нарушила нежная лирическая мелодия. Шер задвигалась в такт ей, выйдя на середину комнаты и не отводя взгляда от лица мужчины. Когда на пол полетела шифоновая блузка, дракон заметно окреп. Как только она, извиваясь всем телом, освободилась от юбки, он уже расправил крылья. А его хозяин запыхтел и раскраснелся еще сильнее, пожирая глазами девушку в черном кружевом белье и чулках на поясе.

Шер продолжала двигаться в такт музыке, пока не заметила, что дракон уже готов взлететь. Тогда она отвернулась от мужчины, наклонилась вперед, выгибая спину и широко расставила ноги. В следующий миг дракон взвился в небо, когда Шер отодвинула тонкую полосочку стрингов, показывая ему влажную и манящую щель. И длилось это всего лишь миг...

– Я подарю тебе рай, а ты запомнишь меня на всю жизнь, – приблизилась Шер к мужчине, глядя на него своими огромными светло-кариими глазами, ярко обведенными подводкой,

отчего они казались еще больше.

Когда ее язычок коснулся его восставшей плоти, мужчина не выдержал и громко застонал.

– Потерпи. Я лишь немного приголублю монстра, – улыбнулась она и снова склонилась, укрывая его бедра волосами.

Ровно столько она вбирала его в рот, посасывая и полизывая, пока он не затвердел, как камень, готовый сразиться даже с самым страшным врагом.

– А теперь пусть потрудится немного, прежде чем мы позволим ему расслабиться, – с этими словами она освободилась от стрингов и медленно опустилась на упругий стержень, плавно впуская его в свою жаркую и узкую щель...

– Когда я увижу тебя снова? – спросил мужчина, когда Шер распахнула дверь номера, чтобы покинуть его навсегда.

– Никогда, – обернулась она и улыбнулась одними губами. – Никакого постоянства. Не больше раза. Я тебя забуду, а ты меня нет.

– Шурочка, можно тебя на минуточку? – приглушенный голос Веры Павловны донесся из глубины читального зала.

– Иду!

Стройная шатенка оторвалась от чтения бумаг, выпрямила спину и потерла уставшие глаза. В следующий миг она весело улыбнулась, соскочила со стула и побежала в читальный зал. Словно легкий теплый ветерок летел за ней. Несколько

читателей, что рассматривали книги на стеллажах, невольно оборачивались ей вслед, попадая под власть ее бодрости и энергии.

В читальном зале стоял приглушенный гомон. Группа детей рассаживалась на составленные в круг стульчики и, не замолкая ни на секунду, переговаривались все сразу. Вера Павловна копошилась возле стеллажа с детскими книгами и временами посматривая на школьников, явно ожидая какой-нибудь шалости.

– Шурочка, деточка, ты с этим лучше справишься, – обрадованно заулыбалась она, поправляя очки на переносице. – Из пятнадцатой школы пришли, на литературный час... – кивнула она на детей. – Ты повозись тут с ними, ладно? – заискивающе посмотрела она на девушку. – А я за тебя там карточки позаполняю. Только вот... чтобы им такое почитать? – снова в растерянности взглянула она на стеллаж.

– Я сама, Вера Павловна. Уже придумала, – подмигнула ей Шурочка, отпуская из читального зала. Та с радостью, даже с несвойственной ее возрасту припрыжкой, направилась к выходу.

Шура повернулась к детям. Пара десятков смешливых глаз одинаково смотрели на нее. Она обожала детей и не могла не умиляться, глядя на их потешные мордашки, анализируя их пытливые умы, так стремящиеся впитать как можно больше информации. К сожалению, не всегда хорошей и нужной.

– Давайте знакомиться! – звонко заговорила она. – Меня зовут Александра Андреевна. Я – библиотекарь и очень люблю читать. А теперь вы представьтесь.

Детишки наперегонки стали выкрикивать свои имена. Конечно, Шура все их не запомнила. Но такая практика позволяла мгновенно сблизиться и разрядить обстановку.

– А давайте выйдем на улицу и почитаем на травке в нашем саду? – предложила она.

Погода сегодня выдалась почти летняя. Солнце лилось с неба, как из рога изобилия. Библиотека с огромным читальным залом занимала весь первый этаж старинного особняка. Хозяин дома с щедрой руки подарил его городу, а второй и третий этажи сдавал под офисы. Перед особняком был разбит сад, за которым старательно ухаживал садовник. Тут были даже фонтаны со скульптурами в виде лебедей и полуобнаженных девушек. Летом они уютно журчали. Но май в этом году выдался холодный, почти каждый день лили дожди с грозами, и фонтаны еще не заработали. Правда, глядя сегодня на безоблачное небо, Шуре хотелось верить, что наконец-то наступает лето, которое она любила больше всего на свете.

И это место, где работала вот уже три года, она тоже обожала. Конечно, платили тут сущие копейки, но ей нравилась атмосфера начитанности и интеллигентности, что буквально пропитывала первый этаж особняка. А про второй и третий она старалась не думать, словно их и не было вовсе.

Шура рассадила детей на сложенных в несколько раз пледах, что прихватила с собой и расстелила прямо на траве вокруг пенечка, который для себя она уже давно облюбовала. Присев в центре, она раскрыла на коленях неприметную потрепанную временем книжечку. Автор на обложке значился Паустовский. Именно его рассказ она хотела сегодня прочитать детям, а потом послушать, что же они думают о прочитанном, какие мысли витают в их юных головах.

Рассказ она выбрала свой самый любимый, «Растрепанный воробей». Детишки притихли и наострили ушки, когда мелодичный голос Шуры зазвенел в саду. Она склонилась над книгой, ее русые волосы закрыли часть лица и переливались всеми оттенками на солнце, что так приветливо ласкало сверху эту литературную группу.

Сколько бы раз она не читала это рассказ, всегда неизменно наслаждалась красивым языком автора, его умением вдыхать жизнь в неодушевленные предметы. И каждый раз, когда читала, как отважный воробей Пашка врывается в зал Большого театра, держа в клюве хрустальный букетик, как кладет его в руки балерины, исполняющей партию Золушки, глаза Шуры наполнялись слезами. Ее сентиментальная душа восторгалась умом и отвагой этой маленькой преданной птички.

Литературный час пролетел, как одна минута. По глазам детей Шура видела, как им все понравилось. Сама испытывала удовлетворение от того доброго и светлого, что только

что совершила.

День рабочий подходил к концу. Шура заканчивала наводить порядок в картотеке, когда в дверь заглянул Слава. С ним она познакомилась почти сразу же, как только устроилась сюда. Он работал этажом выше, в какой-то торговой фирме. И знакомство их началось с почти трагедии, когда он чуть не задавил Шуру, сдвывая задом. Ох и порцию адреналина она тогда хапнула. Но он так умело замаливал грехи, что с тех пор они сдружились по-настоящему. Почти каждый день он ее подвозил с работы домой, когда сам не задерживался допоздна. Вот и сейчас с неизменной улыбкой и с ямочками на щеках он ворвался в библиотеку и с порога заголосил:

– Хорошим девочкам пора домой. Хватит уже трудиться на литературной ниве.

Шуре еще и потому нравилось общаться со Славой, что он отличался необычайной начитанностью. Книги он «проглатывал» одну за другой. Сам рассказывал, что читать запоем начал, как только научился, года в четыре. Вообще, в нем удивительным образом сочетались крайняя несобранность, которая жутко мешала ему учиться в школе, и удивительная любознательность, что заставляла его читать все, где только были буквы. Но школу он закончил почти на одни тройки. Ни в какой институт даже и не думал поступать – сразу же пошел работать. И выбор направления его удачно пал на торговлю – как торговому агенту ему цены не было, умел продавать все.

– Еще минуточку, – попросила Шура и глянула в окно.

Солнце еще светило высоко, и настроение девушки резко взлетело вверх. Как же она его любила! Как и оно ее. Друзья даже называли ее солнечным зайчиком, говорили, что и от нее исходит тепло, как и от солнца. Шура только посмеивалась, но любви своей не изменяла. Больше всего ей нравилось в выходные гулять по улицам, когда на небе не было ни облачка, когда яркие лучи струились буквально на все, что находилось рядом, обволакивали, рисовали причудливые тени... В такие моменты Шура, и вправду, чувствовала себя солнечным зайчиком, готовым скакать с предмета на предмет и заражать буквально все и всех вокруг своим радужным настроением.

– Жду в машине.

Вихрастая голова Славы скрылась за дверью, и Шура тоже встала из-за стола. Она быстро покидала личные вещи в сумочку, провела пару раз расческой по волосам, тронула бледно-розовой помадой губы и выскочила за дверь, даже не поглядевшись в зеркало. Все вокруг твердили ей, какая она красивая. Но с этим Шура была категорически не согласна. Не может считаться красивой женщина, у которой губы слишком пухлые, глаза чересчур близко посажены, а нос больше напоминает пуговицу, такой он маленький. Без ложного кокетства, она старалась поменьше смотреть на себя в зеркало. Да и фигурой своей она была не довольна. Слишком тощая и высокая. А грудью наоборот природа наградила

ее пышной. Постоянно ловила мужские взгляды не на том, на чем хотелось бы. Она хотела, чтобы ее ценили за острый ум, а не за выдающуюся грудь.

В этот город Шура переехала сразу по окончании школы. Мать настояла, хоть она и пыталась сопротивляться. Ей нравилась жизнь в деревне – чистый воздух, простор. Она любила вставать ни свет, ни заря, давать курам корм и смотреть, как местный пастух гонит коров на утренний выпас. Все в родной деревне ее устраивало, кроме отца. Еще и по этой причине мама была непреклонна. Временами отец уходил в запой. Не часто, но, как говорится, редко, но метко. Длиться это могло несколько дней. Тогда в доме наступал ад. Постоянная ругань родителей, частенько отец поднимал руку на мать, но и та в долгу не оставалась – колотила его неслабо. В такие дни Шура старалась как можно меньше времени проводить дома, возвращалась, когда отец уже спал.

Серьезный разговор с матерью состоялся у нее сразу после выпускного. Да и не разговор это был, а монолог матери. Она сообщила, что созвонилась с двоюродной сестрой, и та согласилась, чтобы Шура пожила у нее первое время, пока не найдет что-нибудь. Ей вручили небольшую сумму денег, скопленную матерью в тайне от отца и отправили в город.

У тетки ей жилось несладко – не сошлись характерами с ее дочерью, что была на три года старше. После первого курса библиотечного техникума, куда Шура поступила без труда, она добилась того, что ей выделили комнату в общежи-

тии. А когда она училась на последнем курсе, умер отец от сердечного приступа. Тогда мать продала половину дома, а деньги прислала ей, велела поместить в банк под хорошие проценты. Так Шура смогла позволить себе снимать однокомнатную квартиру и с полным правом считать себя самостоятельным человеком. К тому времени она уже закончила техникум и устроилась на работу в местную библиотеку.

– Куда поедем? – спросил Слава, как только она опустилась на соседнее сидение.

– Домой, конечно.

– А может, поужинаем где-нибудь? – робко закинул он удочку.

– Нет, Славик, я устала. Много книг сегодня пришлось перелопатить. Новое поступление... Хочу домой.

– А у тебя каждый день новое поступление, – обиженно отвернулся он. – Еще ни разу ты не согласилась куда-нибудь пойти со мной вечером. Не на свидание, а просто так. Вечно находишь отговорки. Только в обед и удаётся тебя вытащить.

Слава выруливал со стоянки, не глядя на Шуру.

– Вот скажи, пожалуйста, чем ты занимаешься по вечерам? – вдруг повернулся он к ней, заняв свой ряд в плотном движении на дороге.

– Слав, ну какая разница?..

– Какая разница?! Да я тебя почти три года знаю, а домой ты меня не приглашала ни разу. Я тебя звал на день рождения, так ты нашла предлог, чтобы не идти. Что вообще про-

исходит, Шур?

Никогда раньше она не видела его таким злым. Это его нужно спросить, что происходит? С чего это он вдруг именно сегодня решил окрыситься на нее? Да и не обещала она ему никогда и ничего.

В этот момент на ярко-голубое небо набежало малюсенькое облачко. И откуда оно только взялось, но светило закрыло целиком, моментально погружая город в предвечерние сумерки.

– Знаешь, что! Или высади меня прямо здесь, или вези домой молча!

Ответом Шуре послужил лишь крайне удивленный взгляд ярко-голубых глаз.

Шер распахнула дверцы платяного шкафа и придиричиво рассматривала гардероб. День выдался жарким, а ночью снова начал накрапывать дождь. Но она любила дождь, как что-то родственное душе. И ненавидела солнце. Оно отравляло ее существование.

Выбор пал на облегающий ярко-красный топ и черные кожаные штаны. Сверху накинёт куртку, чтобы не мерзнуть. Мерзнуть она тоже ненавидела. Это ее выдергивало из состояния комфорта.

Уже находясь в полной амуниции, Шер еще раз проверила почту и удовлетворенно усмехнулась алыми губами. Под-

тверждение получено. Он уже ждет ее в гостинице.

Через десять минут к подъезду ничем не примечательной пятиэтажки подъехало тонированное такси. Из дома вышла стриженная под каре высокая брюнетка. Окинула пустынный двор внимательным взглядом и скрылась в машине.

Шер назвала водителю адрес гостиницы, откинулась на спинку сидения и прикрыла глаза.

Клиентов она выбирала сама, на сайте знакомств. Просила присылать настоящие фотографии. Ее не волновал возраст или внешность. Важны были глаза, их выражение. Она долго всматривалась в них, листая страницы, пока не находила то, что искала. Потребность. Именно в ней. Она должна быть уверена, что даст ему именно то, что он хочет, что может она дать. И ничего не получит взамен. От него ей ничего не нужно.

Лишь однажды у нее случилась осечка, в самом начале. Воспоминания нахлынули волной, закрыться она не успела.

Коридор тонул во мраке. Приходилось пробираться практически на ощупь. Никакая это не гостиница. Большие похоже на общагу, не самую лучшую. Обшарпанные стены, заляпанный липкий пол. Одна лампочка на этаж, которой еще хватает, чтобы осветить лестничный пролет, а дальше начинаются потемки.

Шер здорово трусила, чувствовала, как трясутся ноги в коленках. Но нельзя подавать виду. Они должны быть силь-

ной, властной... Вот и номер, 202. Хорошо, что не пришлось тащиться через весь коридор. Осталось собраться с силами и постучать. А еще унять дрожь в коленках и нацепить маску безразличия на лицо.

Раз, два, три... и еще раз. Условный сигнал. Дверь обита дерматином, удары еле слышны. В руках противная слабость, ладони нещадно потеют. Шер быстро вытерла их о брюки.

Дверь распахнулась. Шер переступила порог, не сводя глаз с мужчины. Точно такой же, как на фото: высокий брюнет, с правильными чертами лица. Фигура атлетическая. Только вот глаза... Там они у него были другие – не такие холодные и властные. Там они желали ее, а сейчас презирают. Эта мысль мелькнула как раз в тот момент, когда за спиной захлопнулась дверь, преграждая путь к отступлению. Если бы не эта дверь, Шер сбегала бы тогда. И если бы не эта дверь, ничего бы у нее не получилось сейчас.

– Проходи, красавица, не стесняйся, – голос удивительно гармонирует с внешностью. У таких мужчин может быть только глубокий волнующий баритон. Но Шер он не нравился, возможно потому, что в нем чувствовалась фальшь. – Не дворец, конечно, но и ты не королева.

Она помнит все до мельчайших подробностей. Как он не дал ей даже слова сказать или осмотреться, как сразу же приступил к делу. Он сорвал с нее блузку одним резким движением. Она видела, как разлетаются в стороны жемчуж-

ные пуговицы, и страх затапливал ее все сильнее. С тех пор она не надевает блузки, только топы – плотные, обтягивающие тело.

Он толкнул ее на узкую жесткую кровать, и она больно ударилась головой о стену. От боли замутило. Хотела сесть, но ей и этого не позволили – чужая рука с силой нажала ей на живот, пригвозждая к кровати.

– Я буду делать тебе больно, а ты будешь терпеть, – на лбу мужчины выступила испарина, в глазах появился нездоровый блеск. – Если пикнешь, разукрашу так, что мама родная не узнает.

Дальше последовал ад. Он раснял ее на кровати, привязав руки и ноги к металлическим перекладинам спинки. Предварительно раздел до гола. Каждый раз, когда она пыталась сопротивляться, молча, пряча крик за стиснутыми зубами, он бил ее по лицу – с силой, наотмашь. Слезы невольно полились из глаз, но она упорно молчала, глотая их.

– Ты получишь за всех сук, что пытались унижить меня, подчинить себе, – злобно цедил он, снимая с себя одежду, пока не остался совсем голый. Краем глаза, а скорее последними проблесками сознания, Шер уловила, что мужчина не возбужден. Его член вяло свисал, и хозяина это тоже злило.

Ни разу в жизни Шер еще не было так больно. Он кусал, щипал ее, дергал за волосы, раздирал ее вагину и анус пальцами и какими-то предметами в виде резиновых стержней разной толщины. Боль была такая, что позволял Шер себе

закричать, не смогла бы уже остановиться. Но она молчала, лишь скрип зубов противным скрежетом отдавался в ушах.

У него ничего не получалось. Несмотря на все попытки истязать ее тело, эрекция так и не наступала.

Шер могла бы попытаться помочь ему, если бы захотела. Но она его ненавидела, желала смерти. За его слабость, трусость и беспомощность. Если бы только остались силы, она бы рассмеялась ему в лицо. И пусть бы он тогда убил ее... Но силы были на исходе. Ее тело превратилось в сгусток боли. Она не чувствовала рук и ног.

Он тоже устал. На какое-то время оставил ее в покое. Закурил и молча выпускал дым в потолок, сидя в стороне. Пока его не осенила новая идея. Этого уже вынести Шер оказалась не в силах. Когда он первый раз припечатал к ее лобку горящий кончик сигареты, она потеряла сознание. Потом таких ожогов она насчитала ровно десять. Потом... Ей потребовался месяц, чтобы прийти в себя и привести свое тело в порядок, после того, как очнулась в двести втором номере голая, избитая и совершенно одна. Хорошо хоть руки и ноги были отвязаны.

Она не помнит, как добралась тогда домой. На это ушли ее последние силы. Неделю не вставала с кровати, пока не затянулись телесные раны. Она скрыла свое состояние от всех. Ни знакомые, ни родственники не знали, что все это время она находилась дома.

Шер выкарабкалась и поняла одну вещь. Она сделает все, чтобы проучить их. Она будет мстить, но изощренно, заставляя их терять голову, становясь их идолом, наваждением. И больше никогда она не позволит себе ошибиться. Она сумеет себя защитить.

Первым делом, когда поняла, что в состоянии выйти из дома и посмотреть людям в глаза, Шер записалась на курсы самообороны. Она проходила на них ровно столько, пока не почувствовала себя уверенно, не изучила несколько безотказных приемов. Больше они ей были не нужны. И каждый день она ходила в тренажерный зал, закаляя мышцы, тренируя тело.

Через два месяца она стала новой Шер, только вот имя решила оставить прежнее, в надежде разыскать того ублюдка.

Таксист затормозил возле входа в частную гостиницу, возвращая Шер в реальность. Она уверенно миновала рецепшн, точно зная, что скажет, если ее окликнут. Но никого не заинтересовало, куда она направляется. Сонная девушка лишь безразлично проводила ее взглядом, оценивая подтянутую фигуру и строгий прикид. По всей видимости, к ночным посетительницам тут привыкли.

Ее уже ждали. В номере был сервирован прикроватный столик. В ведерке со льдом охлаждалась бутылка шампанского. Да тут обитает романтик! Но она еще раньше догада-

лась об этом.

Так что же ты хочешь? Шер заглянула в глаза невзрачно-го с виду мужчины. Пиджак висел на нем мешком, брюки пузырились на коленях, ворот рубашки был не первой свежести... Да, за тобой плохо следят, голубчик. Ласки. Ты хочешь ласки, простого человеческого тепла. И ты сомневаешься, что можешь получить это от меня. Сейчас ты опасешься, что перед тобой стоит стервозная сучка, каких ты боишься. Но нет, дорогой. Я тебя так обласкаю, что ты будешь всю оставшуюся жизнь мечтать обо мне, искать повсюду... Я стану твоим видением и во сне, и наяву. Но ты меня больше никогда не увидишь.

– Привет, – улыбнулась Шер, отчего лицо ее преобразилось небывалым образом. Из самоуверенной самки она превратилась в безалаберного подростка. – Давай, не будем спешить, – прикрыла она дверь и расстегнула молнию на куртке, одновременно снимая обувь. Она прекрасно осознавала, что босая станет к нему гораздо ближе, нежели в лакированных туфлях на высоких шпильках. – У нас впереди вся ночь. Сначала просто поболтаем, – легко прошла она к столу.

Тебя прочитали, голубчик, как открытую книгу. Еще больше секса тебе не хватает простого человеческого общения. Кто же твоя жена, милый? И как же я вас всех ненавижу!

Настроение у Шуры балансировало между отметками «я

держусь из последних сил» и «отвратительное». С утра зарядил дождь, как следствие, она проспала на работу. Пришлось носиться по квартире, собираясь впопыхах, а потом еще мокнуть на остановке, потому что свой автобус она пропустила. И в довершение всего, ее окатило из лужи, когда по ней со свистом промчался какой-то лихач.

В библиотеку она входила темнее грозовой тучи, что заволакивала все небо.

– Ты что?! С ума сошла?! – всплеснула руками Вера Павловна. – Кто ж под дождем без зонта разгуливает?

Шура до такой степени ненавидела дождь, что зонт не покупала принципиально. Догадывалась, как глупо это выглядит со стороны, но ничего не могла с собой поделать. Если только была малейшая возможность, в дождь она и носа не казала на улицу. Но случались и исключения, такие, как сегодня.

– На ка, вытри лицо и волосы, – протянула ей начальница неизвестно откуда взявшееся полотенце. – Я уже собиралась звонить тебе, узнавать, не случилось ли чего?..

Если бы не рисковала выглядеть грубиянкой, Шура бы промолчала, до такой степени ей не хотелось разговаривать. Из последних сил выдавила из себя:

– Я проспала.

– Ну бывает, – добродушно рассмеялась Вера Павловна, чем еще больше взбесила Шуру. – Позвонила бы, предупредила... Я бы тут и сама справилась. Вряд ли сегодня бу-

дет читательский аншла́г, – веселилась женщина, не замечая, как на лице Шуры скапливается все загустевающая тень. – А я сегодня часов с двух не сплю, – хлопотала она возле столика, заваривая чай. – Проснулась и больше не смогла уснуть. Ворочалась, пока тело ломить не стало, тогда...

– Хватит!

Вера Павловна выронила чашку. Та, подпрыгивая, покатилась по полу, а возле плинтуса вдруг рассыпалась на мелкие осколки. Шура хмуро наблюдала за ее траекторией и печальным финалом, даже не глядя на застывшую в углу начальницу.

– Пойду я работать. Кажется, кто-то пришел, – тихо промолвила пожилая женщина, пытаясь замаскировать обиду и пряча дрожащие руки в карманы сарафана.

Впрочем, старалась она напрасно – Шура на нее продолжала не смотреть. Взгляд ее все еще был прикован к осколкам возле стены.

– Уберешь тут, – велела начальница. – И приходи работать... как успокоишься, – тише добавила она и покинула закуток, отгороженный пустыми стеллажами.

Здесь они обычно обедали и устраивали небольшие чаепития. Чайник закипел, и Шура машинально отметила, как отщелкнулся выключатель. Зачем она так?.. Почему не сдержалась, дала выход злости? В душе расплзалась чернота, заражая отчаянием. Когда же закончится этот проклятый дождь?! Шура с тоской посмотрела на залитое водой окно.

Небо по-прежнему серело огромным пятном и ни намека на просветление она не заметила.

Нужно найти в себе силы и начать работать. Словно древняя старуха, Шура с трудом поднялась со стула. В ногах ощущалась вековая тяжесть, когда она двигалась по проходу к своему рабочему месту.

Начальница даже не оторвалась от работы, когда Шура остановилась в метре от нее.

– Простите меня, – с трудом пошевелила она непослушными губами. Больше всего ей сейчас хотелось на кого-нибудь крикнуть. От бессилия и бешенства глаза наполнились слезами.

Вере Павловне достаточно было одного взгляда на страдальческую физиономию Шуры, чтобы в ее доброй душе проснулось сочувствие. Она суетливо вскочила со стула, схватила грубиянку за руки и торопливо заговорила:

– Шурочка, во мне нет обиды, – заглядывала она той в глаза. – Я просто не понимаю, что с тобой происходит. Может быть, ты устала? Так пойдешь домой, отдохнешь. Я тут и одна справлюсь. Если тебя кто-то обидел, так ты не держи в себе, поделись... иногда совет друга творит чудеса. А порой нам всем просто выговориться нужно.

Шура смотрела на нее, машинально улавливая смысл слов, и думала, что если она сейчас хоть на что-нибудь не отвлечется, то просто сойдет с ума. Не выдержит ее мозг давления, которому подвергается изнутри в данный момент. Про-

изойдет вспышка, и все исчезнет.

– Можно я порисую, там, в уголочке? – сказала она первое, что пришло в голову, кивая на детские столики с аккуратными стопками листов и пастельными мелками. Это был уголок досуга для малышей, что приходили с мамами в их библиотеку.

– Ну, конечно!

Если Вера Павловна и удивилась ее просьбе, то даже виду не подала. Она подвела ее к столику, как тяжело больную. Помогла опуститься на стул и положила перед ней листок.

– Рисуй, детка, рисуй. Рисуй, пока снова не станешь собой – нашим солнечным зайчиком.

Вера Павловна еще какое-то время смотрела на Шуру, но та ее не замечала, разглядывая мелки, перебирая их дрожащими пальцами... В глазах начальницы читались скорбь и непонимание. Когда Шура провела несколько линий желтого цвета, оставляя на листе яркий отпечаток, женщина покачала головой и удалилась к своему столу. Но еще долго она нет-нет, да поглядывала в сторону девушки с неизменным беспокойством.

Шура забыла о времени. Она чертила на листах мелками, пытаясь добиться нужного оттенка. И использованные листы летели на пол, возле нее их уже скопилось пару десятков. Не получалось... Все не то... Солнце должно быть ярче и не такое желтое. Она точно знает, какое оно. Она же любит его больше всего на свете. Вот! Это уже похоже... Еще чуть-

чуть, и она оживит его.

Погруженная в себя, Шура ничего вокруг не замечала. Она не видела, как в библиотеку зашел Слава. Он какое-то время топтался возле порога, поглядывая на нее, а потом подошел к Вере Павловне, и они долго о чем-то шептались. Если бы Шура в этот момент обратила на них внимание, то поняла бы, насколько расстроен тот, кого она привыкла считать своим другом. Даже в одежде его, всегда безупречной, сегодня проскальзывала небрежность – рубашка кое-где вылезла из брюк и торчала из-под куртки, галстук он вообще забыл или не захотел повязать. А ведь галстук – неотъемлемая часть внешнего вида агента, его визитная карточка. Да и причесаться Слава сегодня явно не успел – черные волосы торчали во все стороны. И под глазами его залегли темные круги, словно он всю ночь думу думал, вместо того чтобы спокойно отсыпаться.

С каждым новым штришком Шура чувствовала, как тот огромный айсберг, что с утра плавает по океану ее души, медленно, но таит. Дышать становилось легче, на плечи не давила вековая тяжесть. Мышцы лица тоже расслаблялись, она ощущала это физически. Губы уже привычно трогала улыбка, когда она смотрела на творение рук своих, так похожее на оригинал.

Славу Шура заметила, когда он уже несколько минут стоял рядом с ней и рассматривал яркое блестящее солнце, нарисованное ею.

– Привет! – улыбнулась ему Шура, но тут же нахмурилась, заметив следы усталости на его лице. – Что-то случилось? – с тревогой в голосе спросила она. Наконец-то, собственные проблемы отошли на второй план, гораздо важнее для нее было выяснить, что так беспокоит ее друга.

– Все хорошо, – одними губами улыбнулся он ей в ответ. Глаза его все так же печально разглядывали ее. – Пойдем обедать?..

Как? Время уже обеденное? Шура мельком взглянула на часы. Она столько времени прозанималась ничем? Стыд вспыхнул в душе. Как она теперь посмотрит в глаза начальнице?

– Я, наверное, не пойду... Работать нужно.

– Нет, Шурочка, иди, прогуляйся, – перебила ее Вера Павловна. Все это время она внимательно прислушивалась к их разговору. – Тебе нужно проветриться, да и дождь, кажется, пошел на убыль...

Шура взглянула в окно. Действительно, небо посветлело. Где-то там, за тонкой пеленой уже угадывалось солнце. От этой мысли настроение ее вспорхнуло, как стайка испуганных воробьев, сердце сильнее забилося в груди. Захотелось броситься Славе на шею и расцеловать его. Но, конечно же, она не стала этого делать, помня, что расстались они вчера не очень хорошо, и прощение его ей еще предстоит получить.

Дождь уже едва моросил, когда они вышли на улицу и сели в машину. Шура понимала, что должна что-то сказать.

Слава вел себя, как обычно, повернул ключ в замке зажигания, тронул машину с места, плавно выехал со стоянки... Но она чувствовала, что он ждет, когда она заговорит первая.

– Слав, ты меня извини за вчерашнее, ладно? Сама не знаю, что на меня нашло... – она кривила душой, потому что отлично понимала, почему резко испортилось настроение, отчего не сдержалась и нагрубила ему. Но объяснять все не имело смысла, вряд ли он поймет, а осуждать станет еще сильнее. Не хотелось терять друга.

– Шур, не надо, – бросил он мимолетный взгляд на нее и снова сосредоточился на дороге. Но Шура успела заметить боль в его глазах. – Не нужно объяснять то, что я не в состоянии понять, – облегчил он ей задачу. – Если я за почти три года так и не разобрался, что же ты за человек, то вряд ли сделаю это сейчас, – он снова посмотрел на нее, на этот раз с доброй улыбкой. У Шуры от сердца отлегло, она поняла, что он больше не сердится. – Лучше скажи, где хочешь пообедать?

Есть совершенно не хотелось, и она назвала первый пришедший на ум ресторан, где подавали бизнес ланчи. Через пять минут они уже усаживались за свободный столик в полупустом зале.

Когда расторопная официантка принесла им заказ, и Шура внезапно поняла, что проголодалась, Слава ненароком спросил:

– Ты когда к маме ездила в последний раз?

Уже прошел почти год, как Шура виделась с мамой. Деревня находилась не на краю света, но добираться до нее нужно было целый день, да еще и на перекладных. Прямой автобус туда не ходил. В прошлом году, летом, Шура провела отпуск в родной деревне. После этого так и не выбиралась больше туда, за выходные не успела бы, а в праздничные дни все время находились какие-то дела, и поездку приходилось откладывать до лучших времен.

– Я просто подумал, – снова заговорил Слава, когда Шура ему во всем честно призналась. – У меня отпуск через неделю. Ехать куда-то далеко не хочется. А вот в деревне с недельку я бы пожил. Как ты на это смотришь? Пригласишь меня в гости? Хочу понюхать ваш воздух, про который ты мне столько рассказывала, – улыбнулся он своей самой подкупающей улыбкой.

– Ты, конечно, можешь поехать, – слегка удивленно и от этого медленно заговорила Шура, – но без меня. У меня-то отпуск в августе. Но, думаю, мама с радостью примет такого гостя.

– Без тебя я туда не поеду. А ты могла бы взять неделю в счет отпуска, – внимательно посмотрел он на нее.

Слава не стал рассказывать, что буквально полчаса назад у него состоялся серьезный разговор с Верой Павловной. И именно она подкинула ему идею, увезти Шуру к маме, заставить отдохнуть. И конечно же, никакого отпуска через неделю у него и не планировалось. Но этот вопрос он запросто

урегулирует с руководством. В конце концов, желающих отдохнуть весной не так уж и много, а вот летом напротив всегда ажиотаж.

– Погоду обещают замечательную, – елеинным голосом уговаривал он, делая вид, что интересуется его исключительно содержимое тарелки. – А у вас там есть речка, ты говорила... Можно будет ходить купаться.

Шура задумалась. Внезапно перспектива отдохнуть ей показалась до такой степени заманчивой, что даже почудилось будто запахло родной деревней. Она вспомнила маму, и на глаза навернулись слезы. Как она там? Ведь даже звонила ей в последний раз, уже и не помнит, когда. А ведь кроме Шуры у нее больше никого не осталось. И когда-то, в детстве, они с мамой были так близки...

Шура не замечала, с каким напряжением наблюдает за ее лицом Слава, словно от ее решения зависела его жизнь. Он видел слезы в ее глазах и чувствовал непреодолимое желание защитить. От чего и сам не знал, только видеть не мог ее страдания и борьбу с самой собой. Слава уже давно понял, что познакомился с самой непростой и загадочной девушкой на планете. И с каждым днем ему все сильнее хотелось разгадать ее. Так часто, как Шура, никто не выводил его из себя. Почти всегда у него получалось сдерживаться, не подавать виду. Но вот вчера не смог, вспылil. Он и сам не знал, как относится к ней, только равнодушным она его точно не оставляла.

– Я поговорю с Верой Павловной, – кивнула Шура, и на губах ее заиграла улыбка. Даже в ресторане сразу стало светлее. Кроме того, дождь перестал, и с неба уже робко проглядывало солнце, лаская прохожих пока еще редкими лучами.

– Вот и отлично! – нарочито бодро и незаинтересованно воскликнул Слава, хоть ему в данный момент и хотелось больше всего стиснуть ее в объятьях, такая радость внезапно на него нахлынула. А возможно, он просто тоже устал и ухватился за возможность отдохнуть, слившись с природой. – Тогда сегодня же пиши заявление, и в пятницу отправимся...

– В пятницу? Так это же послезавтра? А ты сказал, что отпуск у тебя только через неделю.

– Неделю я не вытерплю, – честно признался Слава. И пусть он вкладывал в слова совсем иной смысл, нежели она подумала, результата это не меняло.

Шура не выдержала и рассмеялась, таким потешным ей показалось его лицо. Все-таки он хороший! Самый лучший из всех парней и настоящий друг!

Как протекала бы наша жизнь, если бы миром завладела ночь? Все время и везде царила бы темнота. Все окрасилось бы в серо-черную гамму. Нет, конечно, от других цветов мы бы не избавились, ведь мир наполнила бы тогда иллюминация. Но это только добавляло бы ей яркости и лишало бы натуральности. Все вокруг стало бы искусственным, раскра-

шенным вручную. И как бы чувствовали себя при этом люди? Наверное, поначалу им было бы дискомфортно, но постепенно бы привыкли и даже стали находить в подобной жизни определенную прелесть. Но только не она...

Шер поднималась по лестнице отеля, размышляя о любимом времени суток – ночи. Она ее любила именно за то, что та так не была похожа на день. Только ночью она жила по-настоящему, позволяя себе быть самой собой. А днем приходилось притворяться, пускать людям пыль в глаза.

Сегодня у нее планировалось нечто особенное, изощренное. Не секс, а искусство.

Этого мужчину она уже давно заприметила. Он не раз «стучался» к ней, но все время его сообщения она оставляла без ответа. И на то была причина. Дело в том, что ничего, кроме упрямства, она в его глазах не видела. Если он так настойчив просто из спортивного интереса, то не заслуживает даже толики ее внимания. Вот уж чем она точно не занималась, так это соревнованием с другими девушками, что посвятили себя примерно такому же занятию.

Вчера она в очередной раз получила от него письмо. Предложение было более чем щедрое. Но деньги ее интересовали меньше всего, хоть и зарабатывала она прилично. Около часу она рассматривала фотографию мужчины. Типичный представитель удачливых людей и явно любимец женщин. Точно не прожигатель жизни, не дамский угодник. Возраст колеблется между сорока и сорока пятью. Лицо симпатич-

ное, в меру властное. Таких принято называть самодостаточными, твердо стоящими на ногах. Скорее всего давно и прочно женат — не видит она в его глазах голода холостяка. Да и жена, скорее всего, отвечает всем его требованиям. Возможно, периодически он заводит связи на стороне, исключительно от пресыщенности, ради ярких свежих впечатлений. И уж точно он не нуждается в услугах девушки по вызову. Откуда же тогда такая настойчивость? Что ему нужно от нее?

Шер приблизила лицо к монитору. Если раньше она видела одно лишь упрямство, то сейчас в его глазах промелькнуло что-то еще, похожее на беспокойство. А это уже любопытно. О чем могут переживать такие типы? Ей вдруг стало ясно, что именно от нее ему что-то очень сильно нужно. Только, она по-прежнему даже примерно не понимала, что. Точно не запоминающийся секс. Эту мысль Шер отмела сразу. Любопытство уже разыгралось не на шутку, рождая спортивный интерес. Раздумывать долго не стала — ответила на письмо и назначила встречу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.